

[1997]

Грамота № 776

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1226, на уровне пласта 12 (глубина 2,26–2,39 м), в напластованиях усадьбы Р. Это целое письмо из шести строк:

ГРАМОТА О ТЪ ИЛИ О ТЪ ДЪ МИТРА ПЛЬС КОВ ЖКО ЛИБИ НЖ:
КОМО СТО КЪ ТО ТИ МА ТЪ ЛЪ ПО ГРИ ВЪ НЪ ЛОЖЬНИКЕ ВЪ ЦЕ
ТЪ РИ КЪ НЪ БР Ж СЕ ВЪ ТРЪ И КЪ НЪ ЗА АЛЕ ЕСИ ОУ ТЪ ШЕ
ТРЪ И КЪ НЪ АВЪ ТО МЪ ШЕ СТЬ КЪ НО ПР И СЪ ЛИ:
ПР И СЪ ЛИ ЖЕ МО Ю М А Л Ж Ю НИ ТО КЪ БЛИ НЕ ПР И СО ЛЕ ШИ
А Р Ж ТИ ТА Х О ЦЪ Ж:

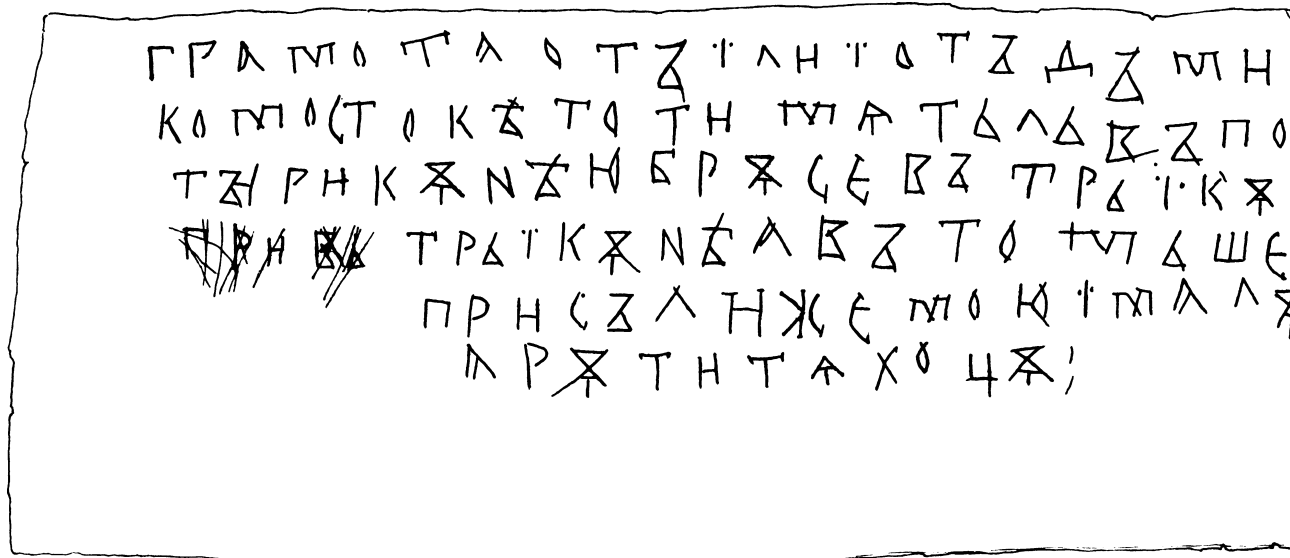
Почерк очень похож на № 846 и, возможно, просто совпадает с ним.

В конце строки 3 (после *тьше*) зачеркнуто *поло*, в начале строки 4 — *гривь* (т. е. автор начал писать *поло гривьнѣ*, но потом заменил это на *трѣи кнѣ*). Между *оу* и *тьше* зачеркнута буква *т*.

Длина 40,7 см, ширина 9,1 см.

Стратиграфическая дата: 30-е–50-е гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка: 40-е–70-е гг. (предпочтительно 40-е–50-е) XII в. (см. НГБ X, с. 305).

Прорись грамоты № 776

Текст делится на слова следующим образом:

Грамота отъ Ёли ї отъ Дьмитра Пльсковж ко либинж ко Мостокъ. То ти матль въ поло гривнѣ, ложьнике въ цетыри кжнѣ, юбрже въ трѣ кжнѣ; заале еси оу Тыше трѣ кжнѣ. А въ томъ шесть кжно присъли. Присъли же мою ї малю нитокж. Ёли не присолеси, а ржти та хоцж.

Перевод: Грамота от Ильи и от Дмитра во Псков к ливу Мостке. Итак: плащ [ценой] в полгривны, одеяло в четыре куны, платок в три куны; ты занял у Теши (?) три куны. За это пришли шесть кун. Пришли же и мою малую нитку. Если же не пришлешь, то учиню тебе рубез (конфискацию)!. Ниткой авторы явно называют низку жемчуга или бус и т. п.; адресат знал, о какой именно низке идет речь.

Как Илья, так и Дмитр — видные жители Людина конца, фигурирующие во многих берестяных грамотах публикуемого в настоящем томе мощного комплекса; см. ниже грамоты № 793, 834, 842 и 839, 846.

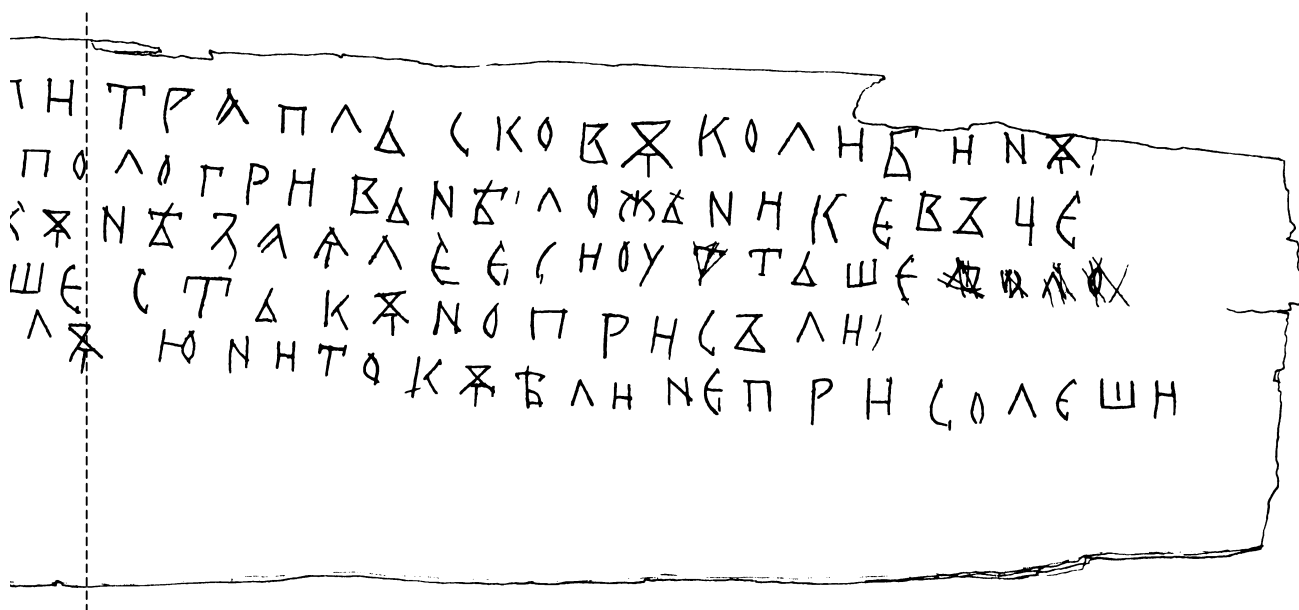
По-видимому, Мостка оставил Илье и Дмитру деньги на покупку плаща, одеяла и платка, причем три куны он занял у Теши, расплачиваться с которым придется тем же Илье и Дмитру. Учитывая реальную цену товаров и этот долг (может быть, также какие-то комиссионные), следует получить с Мостки еще шесть кун.

Перед нами редчайший случай, когда в грамоте указан не только адресат, но и адрес: 'во Псков'. При этом, однако, письмо, адресованное во Псков, найдено в Новгороде. Маловероятно, что письмо осталось неотосланным: такие письма обычно недописаны или не обрезаны. Не исключено, что перед нами черновик или копия, оставленная для себя. Но вероятнее всего то, что письмо привез обратно в Новгород сам адресат — лив Мостка; оно могло играть роль списка заказов, т. е. служить свидетельством того, что он привез всё, что требовалось.

Лив Мостка — по-видимому, старейший из ливов, названных в письменном документе по имени. Ливы (летописная *ливь*) — финноугорская народность, населяющая побережье Рижского залива. Про ливов известно, между прочим, что в средние века они активно участвовали в торговле.

Написание *отъ Ёли ї* — скорее всего вместо *отъ Ёливъ ї*, т. е. здесь в скоплении гласных пропущен *ѣ* (словоделение *отъ Ёливъ отъ Дьмитра* [без союза] маловероятно, поскольку Илья и Дмитр — это несомненно два разных лица, а в таком случае адресная формула писем всегда содержит союз).

Если отрезок *оу Тыше* не содержит ошибок, то здесь представлено гипокористическое имя *Тыша*, *Тъша* или *Теша* (от каких-то имен, начинающихся с *ТЬ-*, *ТЪ-* или *ТЕ-*); ср. *Максимъ Тъшиниць* — имя писца новгородского Пантелеймонова евангелия XII в. (Каталог, № 146); ср. также топоним *Тешино* (НПК, I, с. 297). Но следует учитывать также, что отрезок *тыше* весьма похож на конечную часть словоформы типа *Пжтыше* или *Ратъше*.

Поэтому не исключено, что автор имел в виду какое-то из этих вполне обычных имен (скажем, хотел написать *оу Пжтьше*), но в процессе производившейся в данном месте правки несколько запутался и получилось *оутьше*.

В двух случаях в грамоте представлена несколько неожиданная йотация начальной гласной: *юбржсе*, а не *оубржсе*, и *ѣли* (= *кли*), а не *оли*. Поскольку морфология и синтаксис грамоты не имеют какой-либо книжной окраски, трудно предположить, что *ѣли* — это церковнославянизм, а *юбржсе* — гиперславянизм. Очевидно, йотированные варианты существовали в живом говоре.

Союз *ели* 'если' (также 'или') отмечен в СРНГ (8, с. 341) с пометой Олон., Беломор., Ленингр., Новг., Твер., Нижегород., Костром., Моск., Калуж., Ворон. (и разные места Сибири).

Что касается *ю* в *юбржсе*, то здесь свидетельство данной грамоты оказывается уникальным. Оно заставляет нас более критически взглянуть на традиционную формулу, согласно которой в правосточнославянском начальное *ju-* (любого происхождения, т. е. как из **ju-*, так и из **jɔ-*) перешло в *y-*. Эта формула практически основана на словах: *угъ* 'юг', *унь* 'юный', *уха*, *утро*, *уже* (и их производных; относительно заимствованных имен типа *Устинъ*, *Ульянъ* см. Шахматов 1915, с. 143). Современные *юг*, *юный* объясняются как церковнославянизмы. Однако этой формуле не соответствует ряд слов заведомо народного происхождения: *юр*, *юрить* 'спешить, волноваться', 'резвиться в воде', *юркий* (и другие производные от *юр-*), *юла*, *юлить*, *ютиться*, *юзгаться* 'бороться, состязаться' (олон.), *юзжать* (*южжать*) 'визжать', 'плакать' (новг., ворон., тамб.), также укр. *юдá* 'род злого духа', *юдити* 'подстрекать', блр. *юдзиць* 'хитрить, лукавить', укр. *югá* 'род сухого тумана в жаркий день' и др. (см. Фасмер и ЭССЯ, 8). Поэтому более объективная оценка ситуации состоит в том, что переход *ju-* в *y-* был нерегулярным; он относительно последовательно осуществился лишь в части слов (ср. сходную ситуацию с переходом *je-* в *e-* и далее в *o-*). По-видимому, как обычно бывает в таких случаях, в разных группах говоров наборы слов, охваченных данным переходом, были несколько различны, т. е. ряд слов фактически испытывал колебания между *ю-* и *y-*. Понятно, что в такие колебания могли втягиваться и отдельные слова с исконным *y-*. Примером этого может служить как раз слово *убрусъ*, где *y-* исконно (по происхождению это приставка *y-*: исходным здесь было **u-brъsnqiti* 'утереть'; но слово *убрусъ*, по-видимому, уже в древнерусскую эпоху опростилось и потеряло смысловую связь с глаголом).

В северо-западных говорах можно отметить ряд заимствованных слов с начальным *ю-*, которые должны были пройти через фазу колебаний между *y-* (иногда также *гу-*) и *ю-*: *юдега* 'иней' (олон.), наряду с *гудега* 'густой иней на деревьях' (арх.) — из финск. *huude* 'иней' (< **huudek*), Р. ед. *huuteen* (< **huuteken*); *юлега* 'шум, вьюга, ураган' (олон.) — из финск. *ule*, *ulo* 'холодный весенний ветер, туман'; *юра* 'шило' (новг.) — ср. эст. *ora* 'шило', южн.-эст. *uiri* (Р. ед. *uiri*) 'сверло' (см. соответствующие статьи у Фасмера, чьи сомнения по поводу этих слов ныне можно считать излишними).

Колебания между *y-* и *ю-* иногда отмечаются в говорах и в исконных словах: ср. *съ-по ютру* (волог.; см. Шахматов 1915, с. 142); *по юлицы*, *по юлочцы*, *ю мужа*, *ю лужочку*, *ю хату* и др. в белорусских говорах (Карский 1955, вып. 1, с. 304). Учитывая все приведенные факты, следует с большей внимательностью отнестись также к многочисленным колебаниям между этимологически правильным *y-* (из **ɔ-* или **u-*) и вторичным *ю-*, которые наблюдаются в древнерусской книжной письменности начиная с XI в., например, *уже* 'веревка' и *юже*, *уза* и *юза*, *уродъ* и *юродъ*, *ужика* и *южика*, *утроба* и *ютроба*, *удоль* и *юдоль*, *угль* и *югль*, *учьрмень* 'красноватый' и *ючьрмень* и ряд других (см. Срезн.). Варианты с *ю-* здесь традиционно рассматриваются как церковнославянизмы; но в данном случае ситуация не столь проста, поскольку в старославянском все эти слова выступают как раз без [j], а варианты с *ю-* (*ѣ-*) свойственны именно русской письменной традиции. Обычно здесь предполагают гиперкорректное построение по образцу *унь* (русское) — *юнъ* (старославянское). Но большое распространение вариантов с *ю-* (*ѣ-*) типа *юза* (*ѣза*), *юродъ* (*ѣродъ*) уже в самый начальный период русской письменности (в Изборнике 1073 г., Пандектах Антиоха, Путятиной минее, Чудовской псалтири и других памятниках XI в.) позволяет предположить, что они опирались не только на механизм гиперкоррекции, но и на возможность вариативной фонетической реализации слов с таким началом.

С морфологической точки зрения особый интерес представляет словоформа В. (жен.) *тры* (2×). За этой орфограммой в данном случае явно стоит [тръji], т. е. словоформа с тем же окончанием, что в обычном *тр-и*, но с другой основой: [тръj-]. Эта основа возникает как результат переразложения словоформ Р. *тры* [тр-ьjъ] и И. муж. *трыж* [тр-ьjе]: по аналогии с Р. *четырь-ъ* (и *четырь-ь*) и И. муж. *четыре* эти словоформы переосмыслиются

как [тръј-ъ] и [тръј-е]. Далее, по аналогии со словоформами *четыри-и* (В. всех родов), *четырь-ьмъ*, *четырь-ьми*, *четырь-ьхъ* (где основа *четырь-* едина для всей парадигмы) основа [тръј-] обобщается, т. е. заменяет собою прежнее *тр-*: на месте *тр-и*, *тр-ьмъ*, *тр-ьми*, *тр-ьхъ* появляются [тръј-и], [тръј-ьмъ], [тръј-ьми], [тръј-ьхъ].

Это явление засвидетельствовано памятниками XIV–XVI вв., когда [тръј-] предстает уже в виде [триј-] или [треј-] (в зависимости от говора и от степени книжности). Ср. *со трѣми тысящами пѣшець и трѣми сты коньникъ* (Ипат., под 1241 г., л. 267), *трѣми своими пѣрсты* (Жит. Андр. Юрод., строка 1409), *триима путми* (Комисс. НПЛ, под 1435 г.), *вѣ трѣхъ лицѣхъ* (хронограф конца XVI в., РГБ, ф. 98, № 202, л. 131об.); ср. также некоторые из примеров, собранных А. А. Шахматовым (1957, с. 301, 304): *по трѣхъ лѣтѣхъ* (Ермолинский летописец, л. 300об.), *по тѣхъ трѣхъ* (Книги законные XV в.), под *трѣе епархиа* (В. жен.), *ѿ трѣю сихъ* (Летопись Авраамки), *во устѣхъ двою или трѣю свѣдѣтель* (новгородское евангелие XIV в.). В староукраинских документах XV в. находим Д. *трѣмь*, М. *оу трѣхъ* и даже Т. *трѣи* (см. ССУМ, II, с. 444).

Свидетельство грамоты № 776 замечательно тем, что оно на 250–300 лет старше, чем самые ранние из указанных примеров.

Отметим беспредложное *Пльсковъж* ‘во Псков’.

С синтаксической точки зрения очень интересна частица *и* в *присъли же мою ї малю нитокъж*. Этот пример проливает свет на определенный тип фраз в берестяных грамотах и других древнерусских памятниках, которые представляются странными или даже малопонятными из-за “лишнего” *и*, стоящего в неожиданном месте.

Основная особенность, отличающая здесь древнерусский синтаксис от современного, состоит в том, что частица *и* прежде в принципе могла ставиться не перед той группой, к которой она относится, а внутри нее; иначе говоря, она могла выступать не только в роли проклитики, как теперь, но и в роли энклитики, причем такой, которая присоединялась к первому члену группы (как, например, *то* в *наш-то Иван* и т. п.). Сами значения частицы *и* при этом могли быть различными. Большинство из них существует и поныне; но некоторые свойственны только древнему языку (что создает дополнительную трудность в истолковании соответствующих конструкций).

Примеры с обычными и для современного языка значениями частицы *и* (в частности, близкими к ‘также’, ‘даже’): *присъли же мою ї малю нитокъж* ‘пришли же и мою малую нитку’ 776; *по днѣхъж и сихъ видѣ Сарра* ‘и после этих дней увидела Сарра’ (псковская палея 1494 г., л. 105, см. Каринский 1909, с. 33); *Аже дѣеши*: “*Ты мои еси бѣць*”, — *а ты мои и снѣ* ‘Если ты говоришь: “Ты мой отец”, — то и ты мой сын’ (Ипат., под 1150 г., л. 152); *Гюрги намъ кнѣзь и свои* ‘Юрий для нас и [есть] собственный князь’ (Ипат., под 1149 г., л. 139).

Приведем также замечательный пример такого же *и* в старославянском: *глаголю вамъ яко цркви и болши естъ съде* (Зогр. ев., Мт. XII.6; так же и в Мар. ев.: *цркви и болши*). Усилительное *и*, столь уместное здесь по смыслу, появилось под пером Кирилла: в греч. оригинале *λέγου δὲ ὑμῖν, ὅτι τοῦ ἱεροῦ μεῖζόν ἐστὶν ἢδε* никакого эквивалента этого *и* нет. Древний перевод сохраняется, например, в Мстиславовом ев. (*цркви и болш*, л. 36а), в Милятином ев. (*цркви и боле*, л. 23а). Но в Добриловом ев. находим уже другой порядок слов — такой же, как в современном языке: *глаголю же вамъ яко и цркви болш ксть сде* (л. 54б). В поздних переводах, заново сверенных с греческим оригиналом, *и* вообще устранено; ср., в частности, *яко цркви боле естъ здѣ* в Острожской библии, *яко цркви болш естъ здѣ* в синодальном переводе.

Особое значение древнего *и* — близкое к ‘то есть’, ‘а именно’. Более эксплицитно его можно представить так: *X и Y* — ‘X, что есть также Y’, ‘X, он же Y’. В современном языке частица *и* этого значения уже не допускает. Ныне оно может быть приблизительно передано, в частности, частицей *то* (например, *Иван, друг-то мой*, и т. п.). Примеры (часть этих и последующих примеров указана А. А. Гиппиусом): *(и) [ол]и Воньзда шюрина и могога оти выволоци доскъ* ‘проси Внезда, шурина-то моего, пусть вытащит доски’ 82; *и съ|тошае · въ прабошнахъ · въ черевыхъ и въ протоптанныхъ · яко примѣръзнаше нози ѿго къ камени* ‘и стоял в башмаках, в черевиках-то протоптанных, так что примерзали ноги его к камню’ (Ипат., под 1074 г., л. 72).

Значение, близкое к ‘а именно’, имеет также *и* во фразе: *добре известно изъ двѣца и Мрѣа Гѣ по плоти мѣтри рѣдлови*^М (псковская палея 1494 г., л. 401об., см. Каринский, с. 34). Можно указать также ряд примеров, где *и* отчетливо значит ‘он же’: *Того же лѣта преставися Водовикъ и Внѣздъ, посадникъ новгородчкыи, в Черниговѣ* (Комисс. НПЛ, под 1231 г.; в Синод. НПЛ *и* отсутствует); *тогда Володимеръ и Мономахъ пиль золото*^М *шоломомъ Донъ* (Ипат., под 1201 г., л. 245); *дѣду его Володимеру и Манамаху* (“Слово о погибели русской земли”); *Андрѣи же и король* ‘король же Андрей’ (Ипат., под 1205 г., л. 246 об.).

Некое ослабленное значение *и* (типа 'вот') можно предполагать в примере: *а даю животное свое получение жене и своей Федосьи в одерень* (Марасинова, № 14, поздний список с псковской духовной грамоты XIV–XV вв.).

Ряд слов представляет интерес с лексикографической точки зрения.

Не засвидетельствованное в других источниках слово *либинь* 'лив' образовано от *либь* 'ливы' так же, как *чюдинь* от *чюдь*, *лопинь* от *лопь*, *русинь* от *русь*, *литвинь* от *литва* и т. п.

Имя *лива* — по-видимому, *Мьстька*. Оно явно восходит к прибалтийско-финскому *musta* 'черный'. Имя *Musta* должно было отразиться в древнерусском как *Мьста* — совершенно так же, как название реки Мсты. Скорее всего *-ьк-а* — это уже русский уменьшительный суффикс, присоединенный к имени *Мьста*. Косвенными свидетельствами существования на новгородской территории антропонима *Musta* служат топонимы: *Мстивно селище* (НПК, VI, с. 478), *Мостинь Ручей* (II, с. 858), *Мустино селище* (VI, с. 794). В первых двух отразилась древняя форма *Мьста*; в третьем представлено заимствование более позднего времени, когда прибалтийско-финское краткое *и* уже передавалось русским *у*.

Матьль — 'плащ', 'верхняя одежда' (старое заимствование из латыни через германское посредство); перед нами одна из самых ранних фиксаций этого слова.

Ложьникъ — 'одеяло' (или какой-то другой покров на кровать, ложе); см. Слов. XI–XVII, 8, с. 275.

Глагол *рути* 'подвергать конфискации имущества' представлен в данной грамоте в бесприставочной форме; ср. *вырути* в грамотах № 246 и 332. Правда, синтаксическая структура в данном случае не совсем такая, как в изученных ранее контекстах. В № 246 мы имели дело с двуместной конструкцией: *вырути кого (А) въ кого (В)* 'конфисковать товар у лица А за вину лица В' (см. НГБ VIII, с. 173, табл. 8). В настоящей грамоте мы находим одноместную конструкцию: *рути кого* (причем в качестве объекта здесь явно выступает само виновное лицо). Возможно, в данном случае имеется в виду более прямая акция, чем в грамоте № 246, т. е. автор угрожает конфисковать товар не у соотечественников Мостки, а непосредственно у него самого (заметим, что для этого ему достаточно просто не отдать Мостке закупленные по его заказу вещи).

Грамота № 777

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1338, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент средней части письма (или имущественного документа):

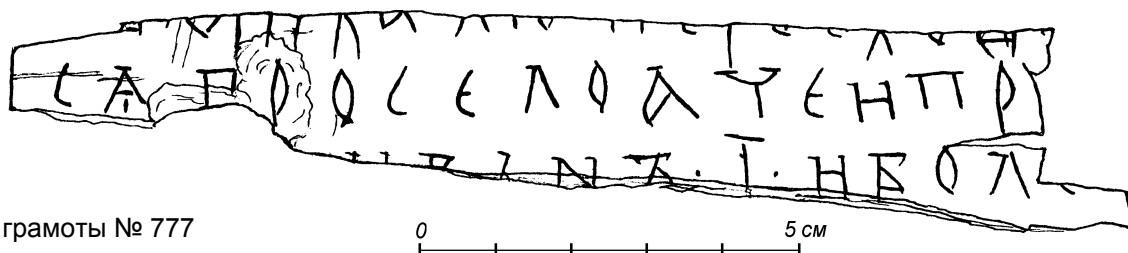
--м[и]хѧ[люнеросход]...
сапроселодучеипр...
...[ив]ьнѣ·ѣ·и·бол[е] ...

Длина 14,8 см, ширина 2,6 см.

Стратиграфическая дата: последняя треть XIII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ... **Михалю не росход...** ...**са про село. Аче и пр...** ...**(гр)ивнь 10 и боле ...**

По-видимому, в документе шла речь о продаже усадьбы ("села"). *Аче и пр...* — возможно, *аче и пр(одасть)* 'если и продаст'. Упоминается большая сумма — гривен десять и больше; это могла быть, например, предполагаемая цена села.

Прорись грамоты № 777